

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

15 МАРТА

№ 6.

1867 ГОДА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

1) ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ:

О Назначеніи Епископовъ.

Высочайше утвержденными, въ 17-й день Января сего 1867 года, докладами Святѣйшаго Синода повелѣно быть:

а) епископомъ Выборгскимъ, викаремъ С. Петербургской епархіи, ректору Уфимской Семинаріи, настоятелю Уфимскаго Успенскаго монастыря, Архимандриту *Григорію*. и б) епископомъ Томскимъ ректору Владимірской Семинаріи, Архимандриту *Алексію*.

(Дух. Бесѣда № 5.)

2) УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО

СВНОДА:

1) Отъ 9 Января 1867 г. *О доставленіи свѣдѣній о количествѣ получаемыхъ церковными причтами доходовъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по бывшимъ разсужденіямъ, признавъ нужнымъ имѣть вѣрныя и точныя свѣдѣнія: во 1-хъ, о количествѣ доходовъ, получаемыхъ въ годъ

приходскими священно—церковнослужителями за исправленіе у прихожанъ необходимыхъ христіанскихъ требъ, т. е. молитвованія новорожденныхъ, крещенія и муропомазанія, исповѣди, причащенія, брака, елеосвященія, погребенія усопшихъ и присоединенія иновѣрцевъ и сектантовъ къ Православной церкви; во 2-хъ, о стоимости, по расцѣнкѣ на деньги, разнаго рода пособій, получаемыхъ причтами отъ своихъ прихожанъ, въ видѣ отбыванія послѣдними работъ, доставки топлива, взноса разныхъ видовъ ружнаго довольствія и проч., и въ 3-хъ, о стоимости, также по расцѣнкѣ на деньги, всѣхъ тѣхъ пособій, которыя Губернское Присутствіе по обезпеченію быта духовенства признаетъ необходимымъ предоставить духовенству для улучшенія его содержанія на счетъ мѣстныхъ Правительственныхъ или приходскихъ способовъ, но которыми духовенство еще не пользуется, какъ—то: дополнительнаго надѣла земли сверхъ установленной пропорціи, передачи въ постоянное пользованіе причтовъ арендныхъ и другихъ доходныхъ статей, единичной временной постройки и ежегоднаго ремонта церковныхъ домовъ для жительства причта, доставки топлива, обработки прихожанами церковной земли, отсыпки хлѣба и т. под.

—Приказали: Поручить Преосвященнымъ всѣхъ епархій, кромѣ Западныхъ, Сибирскихъ и Закавказскихъ, чтобы они

- 1) истребовали отъ всѣхъ церковныхъ причтовъ отзвымы количества доходовъ, получаемыхъ ими въ годъ за исправленіе вышеозначенныхъ необходимыхъ требъ, и о стоимости, по расцѣнкѣ на деньги, тѣхъ пособій, коими они пользуются отъ прихожанъ въ видѣ отбыванія послѣдними работъ, доставки топлива, сбора разнаго рода ружнаго довольствія и пр., по прилагаемой формѣ вѣдомости; 2) также истребовали отъ Губернскихъ Присутствій по улучшенію быта духовенства свѣдѣнія о всѣхъ, признаваемыхъ Присутствіемъ необходимыми для обезпеченія содержанія причтовъ, пособіяхъ изъ мѣстныхъ способовъ, но въ дѣлѣ

ствительности духовенству ещене предоставленныхъ, съ
 объясненіемъ: а) въ отношеніи предназначаемыхъ въ допол-
 нительный надѣлъ причтамъ земель и въ передачѣ въ ихъ
 пользованіе другихъ угодій—общаго ихъ въ Епархіи подли-
 чества, ихъ стоимости и годоваго съ нихъ дохода, по мѣ-
 стнымъ цѣнамъ; б) въ отношеніи построенія и ремонтирова-
 нія церковныхъ домовъ—суммы потребнаго на это единъ-
 временнаго и ежегоднаго расхода; в) въ отношеніи отпус-
 ка изъ казенныхъ или общественныхъ дѣсовъ и доставленія
 топлива, обработки земли, отсыпки хлѣба—годовой дѣннос-
 ти всѣхъ таковыхъ пособій на деньги и т. д. и 3) предос-
 тавленные Губернскими Присутствіями свидѣнія истребо-
 ванные отъ причтовъ подлинныя отъзвы, по составленіи изъ
 послѣднихъ въ Духовной Консисторіи общей вѣдомости по
 уѣздамъ и по всей епархіи, примѣнительно къ той же фор-
 мѣ, представили, вмѣстѣ съ всею общою вѣдомостію, въ
 Святѣйшій Синодъ не позже 1-го Іюля 1867 года. При
 этомъ поручить Преосвященнымъ внушить церковнымъ при-
 чтамъ, что они обязываются, въ видахъ собственной ихъ
 пользы, показать возможно вѣрную сумму получаемыхъ ими
 доходовъ, нисколько не уменьшая, и не увеличивая оной
 противъ дѣйствительно поступающихъ доходовъ. О чемъ
 и послать Преосвященнымъ циркулярныя указы.

Отъ 13 Февраля 1867 г. *О пособіяхъ Священноцерко-
 нослужителямъ отправляющимся на службу въ ста-
 нции Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕДИЧЕСТВА Свя-
 тѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе
 Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 23-го Декабря 1866
 года, за № 11590, коимъ, въ послѣдствіе производившейся
 по Святѣйшему Синоду съ Военнымъ вѣдомствомъ пере-
 писки о пособіяхъ Священноцерковнослужителямъ, отпра-
 вляющимся на службу въ станицы Терскаго и Кубанскаго

казачьихъ войскъ, доводитъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что по полученному имъ отъ Г. Военнаго Министра увѣдомленію, Кавказскій Комитетъ, выслушавъ записку Генераль-Адъютанта Милютина о производствѣ прогонныхъ путевого довольствія и единовременнаго пособія священникамъ и причетникамъ, отправляющимся изъ внутреннихъ губерній на службу въ станицы Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ и отзывъ его, Г. Синодальнаго Обер-Прокурора, къ Управляющему дѣлами Комитета отъ 18-го Ноября, за № 10.147, положилъ: утвердить слѣдующее заключеніе Военнаго Совѣта: 1) священникамъ и причетникамъ, отправляющимся на службу изъ внутреннихъ губерній въ станицы Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, выдавать первымъ, на основаніи Высочайше утвержденного, 20-го Апрѣля 1850 года, положенія Кавказскаго Комитета: прогоны, путевое довольствіе по 30 руб. въ сутки и на первоначальное обзаведеніе по 285 руб. коп. каждому, а послѣднимъ, т. е. причетникамъ, принимаясь къ Высочайше утвержденному, 25 Сентября 1866 года, положенію Кавказскаго Комитета, прогоны на лошади и на подъемъ, единовременно, по 50 руб. серебромъ; и 2) все определенное выше довольствіе отнести суммы Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, смотря по тому, въ какое изъ сихъ войскъ назначены будутъ священники, съ тѣмъ, чтобы довольствіе это выдавалось отправляющимся священникамъ и причетникамъ заимообразно изъ мѣстныхъ Духовныхъ Консисторскихъ суммъ, съ вратомъ этихъ денегъ, по требованіямъ Духовныхъ Консисторій, отъ войскъ Кубанскаго и Терскаго. Государь Императоръ на журналѣ Комитета, въ 29-й день Ноября 1866 года, Высочайше изволилъ написать Собственноручно: «Исполнить». По справкѣ, Приказали: О вышеизложенномъ Высочайше утвержденномъ положеніи Кавказскаго Комитета дать знать по Духовному вѣдомству циркулярнымъ у

зомъ, привокупивъ въ ономъ, что заимообразныя выдачи, на основаніи этого положенія, управляющимся на службу въ станицы Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ священникамъ и причетникамъ прогоновъ, суточныхъ и единовременныхъ пособій должны быть производимы Духовными Консисторіями изъ собственныхъ свободныхъ суммъ епархіальнаго вѣдомства, а не изъ кредита, ассигнуемаго изъ казны на прогоны и пособія.

II.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О Т Ч Е Т Ъ

О

Д Ъ Й С Т В І Я Х Ъ

ТАМБОВСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА

за 1866 годъ.

Въ теченіи 1866 года произведено было

Банкомъ всѣхъ оборотовъ по приходу и расходу на 1022942 р 3 к.

Собственно кассовое движеніе составляло:

по приходу	513910 р 16 к.
по расходу	509031 р 87 к.

Къ 1 Января 1867 года остается въ на-

личности 4878 р 29 к.

1 Собственные капиталы Банка.

Собственные капиталы Банка состав-

ляли къ 1866 году:

основной	32708 р 1 к.
запасной	396 р 53 к.

За распределеніемъ чистой прибыли за 1866 годъ причислено:

къ основному капиталу 7784 р. 70 к.

къ запасному 986 р. 28 к.

Вслѣдствіе чего въ Балансъ, къ 1 Января 1867 года, значится:

основнаго капитала 40492 р. 71 к.

запаснаго 1382 р. 81 к.

Операціи:

а) Процентныя вклады.

Въ теченіи года поступило для обращенія изъ процентовъ:

Вкладовъ на безсрочное время, изъ 5 процентовъ 203160 р.

На срокъ отъ 3 до 12 лѣтъ, изъ 6 процентовъ 164560 р.

На вѣчное время, изъ $6\frac{1}{2}$ процентовъ 730 р.

Всего 368450 р.

Въ тоже время истребовано вкладчиками:

Изъ вкладовъ безсрочныхъ 48097 р.

Къ 1 Января 1867 года остается:

Безсрочныхъ или до востребованія 155063 р.

Срочныхъ отъ 3 до 12 лѣтъ 164560 р.

Вкладовъ на вѣчное время 730 р.

Всего 320353 р.

Процентовъ въ теченіи года выдано на вклады 5857 р. $23\frac{1}{2}$ к.

б) Вклады на храненіе (безъ процентовъ)

Въ теченіи года поступило 163 р. 77 к.

Въ тоже время истребовано вкладчиками 108 р. 46 к.

Къ 1 Января 1867 года остается 55 р. 31 к.

в) *разныя переходныя суммы.*

По счету разныхъ суммъ въ теченіе го-

да поступило и записано по книгамъ 13369 р. 85³/₄ к.

Къ 1-му Января 1867 года на семь сче-

ту остается

3 к.

г) *Учетъ векселей.*

Въ теченіи года учтено векселей на 499746 р.

Къ 1 Января 1867 года остается въ

портфель Банка срочныхъ векселей на 228628 р.

Просроченныхъ векселей нѣтъ.

д) *Ссуды подъ залоги.*

Въ теченіе 1866 года выдано ссудъ подъ

залогъ:

а) Государственныхъ процентныхъ

бумагъ

4406 р.

б) Драгоценныхъ вещей

4070 р.

в) Недвижимой собственности

161256 р.

Къ 1 Января 1867 года остается въ

долгу на ссудахъ выданныхъ подъ залоги:

Процентныхъ бумагъ

1020 р.

Драгоценныхъ вещей

2330 р.

Недвижимой собственности

146806 р.

По ссудамъ подъ залоги просроченныхъ

обязательствъ нѣтъ.

е) *Проценты по операциямъ.*

По всѣмъ симъ операциямъ приобретено

Банкомъ процентовъ:

а) По учету векселей

16126 р. 12 к.

б) По ссудамъ

12854 р.

Всего 28980 р. 12 к.

Изъ нихъ причитается а) въ выдачу

вкладчикамъ процентовъ (наросшихъ по не
взятыхъ) 8402 р. 13 к.

б) Процентомъ перешедшихъ по сро-
ку платежей по займамъ на 1867 годъ 10715 р. 16¹/₂ к.

За тѣмъ въ остаткѣ 9862 р. 82¹/₂ к.

Изъ этой прибыли

а) Покрыто расходовъ по Банку за
1866 годъ 1091 р. 84¹/₂ к.

б) присоединено къ капиталамъ:

Запасному 986 р. 28 к.

Основному 7784 р. 70 к.

Въ Тамбовскомъ Городскомъ Общест-
венномъ Банкѣ принимаются вклады безсро-
чные, срочные и на вѣчное время.

Процентомъ уплачивается Банкомъ:

а) На вклады вносимые до востребо-
ванія безсрочные по 5 на 100 р.

б) срочные, отъ 3 до 12 лѣтъ, по 6 на 100 р.

в) вѣчные по 6¹/₂ на 100 р.

Капиталы, находящиеся въ Банкѣ, роздаются по
учету векселей лицъ вполне благонадежныхъ,—по
залогъ земель, находящихся во всѣхъ уѣздахъ Тамбов-
ской губернии,—зданій находящихся только въ г. Там-
бовѣ, вещей и процентныхъ бумагъ.

Процентомъ берется по учету векселей и по ссудамъ
подъ залоги по 8 на 100 въ годъ.

Директоръ Банка Г. Афанасьевъ.

Бухгалтеръ Е. Пешинскій.

Съ дозволенія цензуры. 22 марта 1867 года.

Тамбовъ. Въ типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

МАРТА.

№ 6.

1867 ГОДА.

СОВЕРШЕННОМЪ ОБРАЩЕНІИ КЪ БОГУ ОТЪ ПРЕЛЕСТЕЙ МИРА И
ГРѢХА.

СЛОВА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ОЕОФАНА.

III.

Пишется въ Евангеліи объ одномъ юношѣ бо-
гомъ, искавшемъ спасенія и не умѣвшемъ найти
его. Юноша этотъ хотѣлъ спастись и дѣлалъ нѣ-
что для спасенія; но имѣлъ нѣкоторыя пристра-
стія, которыя, какъ говорила ему совѣсть, несо-
вѣстны съ дѣломъ спасенія. Услышавъ о Спаси-
тели, онъ искалъ бесѣды съ Нимъ, можетъ быть,
въ надеждѣ въ Его ученіи найти какое либо оправ-
даніе своимъ сокровеннымъ неправымъ распо-
ложеніямъ. Можетъ быть, думалъ онъ, достаточно
для спасенія тѣхъ однихъ дѣлъ, какія ядѣлаю, и
Богъ не осудитъ меня за тѣ неправости, какія есть
въ сердцѣ моемъ. Какъ извѣстно вамъ, онъ ошиб-
ся въ своемъ ожиданіи. Спаситель сказалъ ему такія
слова, что онъ отошелъ отъ Него скорбя. Господь
потребовалъ отъ него въ жертву именно то, что
онъ хотѣлъ сохранить для себя. Юноша имѣлъ

стяжанія многа наслаждался ими и вѣдѣлъ, что соприкосновенно съ тѣмъ довольствомъ, высокимъ положеніемъ между другими, почестями, вѣстною степенью власти и возможностью полагать чрезъ другихъ и въ средѣ другихъ то, что имъ захочеть. Онъ и добрыя дѣла творилъ, но они ему ничего не стоили: ихъ исполненіе не требовало отъ него никакихъ жертвъ. Господь съ перваго взгляда на юношу узрѣлъ, чѣмъ заражена душа его. Потому, легко коснувшись того, что онъ дѣлалъ, всею тяжестью своего Божественнаго опредѣленія налегъ на то, что онъ хотѣлъ сокрыть въ себѣ—на его пристрастіе къ стяжаніямъ. . . .
 Исполнялъ ты, говоритъ всѣ заповѣди . . . теперъ если хочешь быть совершеннымъ, иди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ. Брось все, и приходи и слѣдуй за Мною.

Имѣть сокровище на небесахъ,—что можетъ быть цѣннѣе сего? И однакожь юноша отыде скорбѣю. вѣрно потому, что то, что имѣлъ онъ на землѣ, было для него дороже того, что обѣтовалось на небесахъ. Между тѣмъ, мы не можемъ сказать, чтобъ онъ не радѣлъ о спасеніи. Вся бѣда его состояла въ томъ, что онъ не имѣлъ совершеннаго обращенія къ Богу. Онъ и душу спасти хотѣлъ, и мірское любить не хотѣлъ отказаться . . . , а эти двѣ вещи несомвѣстныя . . . Гдѣ Господь, тамъ—ничего мірскаго. И гдѣ нѣчто мірское, тамъ—ниче Господняго.

Имѣя такой примѣръ неодобренія Божія за совершенное къ Нему обращеніе, обратимся, обратимся къ себѣ и испытаемъ, совершенно ли наше обращеніе? И если нѣтъ, поревнуемъ сдѣлать его совершеннымъ. Такъ ли мы отрѣшены отъ всѣхъ

что можемъ назвать себя всякую минуту готовыми на все, чего не потребуетъ Господь? И если нѣтъ, заботимся до такой степени возвысить свое стѣнненіе. Ибо это главное—все приносить въ жертву волю Божіей. Когда такой оборотъ совершенъ, нѣсть вънутри: тогда обращеніе наше полно и ни какой стороны не будетъ препятствія и намъ считать себя совершенными, и Господу признать насъ таковыми въ дѣлахъ нашихъ. Какъ птица, привязанная и въ клѣтку не заключенная, свободно летаетъ по воздушному пространству; такъ и сторонне отрѣшившійся отъ пристрастій міра свободно, безпрепятственно дѣйствуетъ въ области воли Божіей. Кто же оставляетъ у себя пристрастія какія либо, тотъ до тѣхъ поръ не свободенъ, пока дѣла не касались до сего пристрастія. Какъ же скоро Господь потребуетъ и его въ жертву, тотъ мятется, стѣняется и тогда, подобно юношѣ, отходитъ отъ Господа, хотя отходитъ скорбя.

Если со стороны смотрѣть на юношу и подобнаго ему, можно жалѣть, говоря: «вотъ, сколько трудился и все ни во что!». . . . А если бы разбѣгать ихъ по существу дѣла: то окажется, что у нихъ совсѣмъ не было трудовъ. Первый-то трудъ и бываетъ тотъ, предѣ которымъ они обращаются и впадаютъ. Грѣхъ, живущій въ насъ, или лучше, стѣняющій чрѣзъ него врагъ, очень хитръ и совѣсть укрывается подѣ самыми свѣтлыми благовидностями. . . . Извѣстно всѣмъ, что каждый изъ насъ можетъ имѣть множество неодобрительныхъ расположеній и склонностей; но всегда есть между ними одно или два господственныхъ, всѣ другія которыхъ группируются всѣ прочія. Когда говорите желаніе спасенія: совѣсть требуетъ

искоренить все несправое, не жалѣя себя и не смотря ни на какія болѣзни сердца своего. Начиная работа внутренняя. Добросовѣстный охотник по все приносить въ жертву Господу. Души храбромоуціа на обѣ плесни (ступни) и страждущих саможалѣніемъ, хотя отъ многого, что мало дѣланныхъ стоитъ, отказываются, но всегда удерживаютъ за собою то, чѣмъ господственно питается ихъ самость, и этимъ портятъ все. Они думаютъ, что много надѣлали, а между тѣмъ не дѣлали еще ничего; думаютъ, что при такихъ и такихъ дѣлахъ не очень важно имѣть какую либо черту грѣхобія или міролюбія, а между тѣмъ для нихъ личнаго въ этомъ маломъ все,—весь грѣхъ и весь міръ.

Всякая міролюбивая душа! познай себя и любовь къ тебѣ Господню и воспрями отъ сна. От любви Господней задѣлена ли ты чѣмъ!?.. Дѣлена ли ты чего, что всѣмъ дается?!... Что стоишь?! подвигнись, поспѣши, пока не закрылась дверь, отверзшаяся къ принятію всѣхъ обращающихся нынѣ.

Что стоишь? Обратись къ Господу и начни Ему усердно работать... Время течетъ... сны старѣютъ, грубѣютъ и приближаются къ невѣжливости въ своемъ превратномъ направленіи. Между тѣмъ нынѣ, завтра—смерть. Смотри, не отатся бы тебѣ совѣемъ въ этомъ закоенномъ охлажденіи къ Господу. Вспомни страшный конецъ когда и Богъ окончательно отвратится отъ обращающихся къ Нему и отвергнетъ отвергающихъ Его,—и страхомъ подвигнись устремиться ко Господу.

Взыщи Господа! Богъ или міръ... среднѣе нѣтъ. Или ты такъ безопасно спишь, что ничто

не видишь?! Тамъ все, здѣсь ничего; тамъ истина, здѣсь призракъ; тамъ покой, здѣсь болѣзненныя заботы; тамъ довольство, здѣсь непрестанное томленіе; тамъ радость и веселіе, здѣсь только скорби и туга сердца. Все это ты знаешь, не вытала, и все однакожь остаешься въ той же суетѣ ума и сердца..... Рай на землѣ устроить хочешь..... Осьмая уже тысяча, какъ міролюбцы неощаюются въ средствахъ устроить рай на землѣ.... Не только нѣтъ успѣха; напротивъ все идетъ къ худшему..... Не успѣешь и ты, а только измучишь, гоняясь за призрачнымъ благомъ міра, какъ бѣги за убѣгающею радугею.

Такими и подобными симъ рѣчами будемъ угоаривать душу свою—возлюбить Господа всецѣло и къ Нему обратиться..... возревновать наконецъ и шительно о спасеніи своемъ. Не случится ли и нами тоже, что бываетъ съ воздушными шарами..... Будучи наполнены газомъ, тончайшею стіею, съ какою быстротою устремляются они вверхъ! Наполнимъ и мы душу свою небесными истинами и убѣжденіями. Онѣ проникнутъ и въ сердце, привлекутъ желанія, а тамъ и все существующее наше устремятъ къ небу и всему небесному.

Впрочемъ, какая душа не знаетъ всего этого? Мы знаемъ, что надо исключительно Господу сердцемъ принадлежать и все обращать на угожденіе Ему единому—и малое и великое. Но когда принадлежитъ приступить къ дѣлу,—отрѣшиться отъ всего, начинаемъ разныя употреблять оговорки, чтобы остаться при своихъ пристрастіяхъ.... «Гдѣ намъ!»—говорятъ,—«эта высокая жизнь принадлежитъ только избранныкамъ..... Мы же—хоть кое—какъ..... Кто избранъ, тотъ особенно и призываетъ»

ея.... Вотъ Апостоль Павелъ.... и прочіе, подобны
 ему, видимо призванные»... На это вотъ что скажу
 а эти избранники развѣ не сами пошли по зову
 Господа? развѣ ихъ связанными какъ бы вѣнцы
 благодать? Услышали слово, покорились и устре
 мились ко Господу.... Пусть, впрочемъ есть осо
 бые избранники... и у нихъ все особо... Но есте
 вѣдь, и общій для всѣхъ путь.... Симвъ общими
 путемъ и поидемъ... Вообще же мы всѣ избраны
 Коль скоро слово истины коснулось нашего слуха
 значить, мы избраны... Пасъ зоветъ Господь,
 мы безотвѣтны, если не поидемъ въ слѣдь Его
 Посмотрите, какъ обращались другіе... Одинъ у
 слышалъ: *не скривийте себѣ сокровищъ на земль...*
 и все оставилъ... Другой прочиталъ: *всуде мятежитъ*
человѣкъ! сокровиществуеть, и не вѣсть, кому собо
ретъ я....., оставилъ суету и вступилъ на прочій
 путь Богоугожденія. Третій взглянулъ на Распятіе
 съ надписью: *свотъ что Я для тебя сдѣлалъ; что*
дѣлаешь ты для Меня?..... и вѣдѣмъ сердцемъ пре
 дался Господу.... Что это,—развѣ все чрезвычай
 нья призванія?!.. Да, мы всякій день тысячу по
 добныхъ истинъ слышимъ и читаемъ.... Можетъ
 ли послѣ сего считать себя неприванными?...
 Нѣтъ, бр., не за призваніемъ, а за нами дѣла
 Какъ обратился сіи обратившіеся? Сознали, что
 нѣтъ жизни, какъ только въ Господѣ, и пере
 нили свою неподобную жизнь. Такъ должно бы
 и у всѣхъ. Внутреннее измѣненіе или переломъ
 зависитъ отъ добросовѣстности въ отношеніи къ
 сознаваемой истинѣ. А эта добровѣстность—всегда
 отъ насъ.... приложимъ ее, и одолѣемъ сами се
 бя.... Во внутреннее святилище сердца никто ст
 рошій не войдетъ.... Тамъ все рѣшаетъ человекъ

съ своею совѣстію и сознаниемъ..... Станемъ же сами въ себѣ предъ лицомъ Бога, и, живѣе воспроизведши все, чего хочетъ Богъ и сознавши необходимость и неотложность того для спасенія, положимъ въ сердце своемъ сей завѣтъ: «отсель начну принадлежать Господу всею сердцемъ и Ему одному работать всею силами своими».... И совершится наше избраніе; ибо избраніе не есть состояніе нашей рѣшимости съ призваніемъ Божіимъ. *Господь близъ*.... Ко всею приходитъ и толчетъ въ сердце, не отверзетъ ли кто? Если сердце—замкнутый сосудъ: кто виновенъ?!.... Всею вина наша недобросовѣстность къ познанной истинѣ. Если бъ этой не было: все бы были всегда устремлены ко Господу. И многое ли требуется?! Вѣдь мы не всею же чуждаемся Господа. Только угожденіе Ему стоитъ у насъ не на первомъ мѣстѣ.... не есть главное наше дѣло, а какъ бы приловокъ. Дѣло уже у насъ—угожденіе себѣ, угожденіе людямъ и обычаямъ мірскимъ. Поставьте теперь угожденіе Господу на первомъ мѣстѣ, и все прочее перестройте по требованію сей единой цѣли.... и измѣнится ваше внутреннее настроеніе.... останется то же..... только сердце станетъ по-новому. Вотъ и все! Много ли это?!

Многое бы еще хотѣлъ говорить вамъ о томъ, но вижу, что утомилъ васъ. . . . Остальное самъ доскажете душѣ своей. . . . Ибо кто, кромѣ насъ самихъ, поможетъ Господу овладѣть сердцемъ нашимъ? . . . О, когда бы мы покорились Ему и Ему отдали бы сердца свои. . . . и лицомъ къ лицу соприкасали Его въ себѣ, и всею вращались во свѣтъ Его во кругъ Его . . . какъ вращаются около солнца всею свѣтила, обращенныя къ нему и имъ освѣщаемыя. . . . составляя съю особенный стройный хоръ!

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Огюста Николя.

III.

О БОЖЕСТВЕННОМЪ ДОСТОИНСТВѢ ЕВАНГЕЛЬСКАГО ПРАВОУЧЕНІЯ.

Б.

Человѣкъ естественно представляется имѣющимъ отношенія къ четыремъ главнымъ предметамъ: 1) къ Богу, 2) къ своимъ обязанностямъ, къ людямъ и 4) къ самому себѣ. Мы постараемся доказать Божественное превосходство означеннаго Евангельскаго начала въ четырехъ этихъ отношеніяхъ.

1) *Въ отношеніи къ Богу.*

Въ Евангельскомъ ученіи есть слово, которое для міра служитъ предметомъ посмѣянія, которое не возбуждаетъ въ немъ ужаса;—это *самоумерщвление*. Для нѣкоторыхъ покажется невѣроятною странностію, когда мы скажемъ, что нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, болѣе нѣжнаго и болѣе сладкаго, какъ это самоумерщвление, и особенно когда прибавимъ къ этому, что въ самомъ мірѣ ничто такъ не бываетъ въ ходу, какъ оно. Но мы разрѣшимъ всѣ эти загадки, когда замѣтимъ, что въ Евангельскомъ смыслѣ слово—*самоумерщвление* нераздѣльно и какъ бы однозначаще съ словомъ—*любовь*.

Любовь къ извѣстному предмету, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ уже *нелюбовь* ко всему, противно этому предмету; и гдѣ нѣтъ *нелю-*

противнаго ея предмету, тамъ она всегда будетъ находить и видѣть любимый свой предметъ; преданность и покорность ему, ревность и желаніе вездѣ встрѣчать его и стремленіе слиться съ нимъ, чтобы жить только его жизнью, будутъ составлять относительную *нелюбовь къ собственной его личности*; а это и есть ни что иное, какъ смерть для себя *самого, или самоумерщвление*. Любить значитъ *оставлять собственную жизнь за друзей своихъ*, сказала Иисусъ Христось; а Ему вполнѣ свойственно опредѣлить, что такое любовь. И еще, въ Пѣсни любви, сказано о любви, что *она крѣпка, какъ смерть*.(*)

Въ дополненіе нашей мысли приводимъ выписку изъ Франсуа де-Саль:

«Платонъ, разсуждая о любви, говорилъ, что она бѣдна, страждуща, ничтожна, раздѣта и разута, исхудалая, бездомна, спитъ жестко, подъ открытымъ небомъ, у воротъ, и всегда нуждается. Она бѣдна; потому что по собственнымъ побужденіямъ оставляетъ все ради предмета любимаго; она бездомна, потому что заставляетъ душу выходить изъ собственнаго жилища, чтобы слѣдовать вездѣ за тѣмъ, кого любить; она, совершенно какъ нищій, валяется, потому что заставляетъ любимаго непрестанно со всею внимательностію слѣдить за движеніями взоровъ и устъ того, кого любить, и всегда лнуть къ его ушамъ, чтобы вылавливать у него ласковое слово, чѣмъ она никогда не можетъ насытиться. Да и жизнь ея въ томъ состоитъ, чтобы чувствовать всегда нужду: ибо

(*) Пѣснь Пѣсн. VIII, 6. „Любовь крѣпка, какъ смерть, и ревность любви непреклонна, какъ адъ. Хотя бы кто далъ всѣ сокровища дома своего за любовь, она презритъ ихъ, какъ бы ничего не было дано“.

если хоть однажды насытилась, она уже не пламенѣетъ, и, слѣдственно, уже не бываетъ любовью. Конечно, я очень хорошо понимаю, Теотимъ, что все это говорилъ Платонъ о любви презрѣнной, низкой и дурной, но тѣмъ не менѣе и въ любви небесной и божественной нельзя не находить тѣхъ же свойствъ». (*)

Таково отношеніе между самоумерщвленіемъ и истинною любовью; нельзя изобразить одну, не изображая вмѣстѣ и другое. (**)

Но Богъ, источникъ и безпредѣльная полнота всякаго совершенства, высочайше достоинъ всей возможной для сердца нашего, любви, какъ это объяснено нами въ трактатъ *о Религии естественной*; по этому предпочитать Ему кого бы ни было и особенно насъ самихъ, значитъ не любить Его. Слѣдственно, необходимо любовь наша къ Богу должна быть такова, чтобы всякія другія чувства любви уступали ей въ нашемъ сердцѣ, были ей подчинены. Поэтому необходимо, чтобы сердце наше отрѣшилось, отрелось, умерло для всякой неслучительной привязанности, дабы по преимуществу и вполне соединяться съ Нимъ. Это и есть началъ

(*) *Traité de l'amour de Dieu, liv. VI, chap. XV.*

(**) Отсюда у Августина превосходное опредѣленіе цѣломудрія: *цѣломудреннѣйшій тотъ, кто исключаетъ любовью, огонь огнемъ*. Быть цѣломудреннымъ значитъ изгонять изъ сердца любовь плотскую любовью святою, небесною, пламень страсти погашать пламенемъ Божественной любви. Христіанство удивительнымъ образомъ понимаетъ сердце человѣческое, о которомъ можно сказать тоже, что древніе говорили о природѣ, что она страшится пустоты.

христiанскаго самоумерщвленiя, это *живал и дья-*
вельная любовь къ Богу, т. е. главное начало
существленiя Религiи естественной.

Внѣ Христiанства, въ различныхъ системахъ
 религiозныхъ и философскихъ, господствовавшихъ
 въ родѣ челоуѣческомъ, этого начала никогда и не
 знали. Тамъ или приносили Божеству жертвы внѣ-
 шнiя и дѣла матеріальнаго умерщвленiя, не нала-
 живши никакихъ обязательствъ на сердце,—это
 было чистое суевѣрiе; или предавались созерцатель-
 ной, чтобы не сказать, мечтательной, любви къ
 верховному благу, терявшейся въ разныхъ теорi-
 яхъ, либо оканчивавшейся самодовольствомъ, что
 происходило отъ недостатка послѣдовательности и
 невозможности держаться на высотѣ теорiй при от-
 меченности отъ всего, несомѣстимаго съ сущно-
 стно любви. А все это было слѣдствiемъ невѣже-
 ства и естественной немощи челоуѣчества.

Одно Евангелiе, съ появленiемъ своимъ, пре-
 обратило этотъ разладъ, соединивъ начало самоу-
 мерщвленiя съ началомъ любви. Оно слило, такъ
 сказать, оба эти начала въ одно, и тѣмъ какъ бы
 перебросило мостъ надъ бездною, дабы открыть
 путь соединенiя съ этою главнѣйшею изъ
 истинъ Христiанскихъ.

И такъ, не надобно предаваться ложнымъ
 идеямъ относительно начала Евангелскаго само-
 умерщвленiя: не надобно представлять себѣ чело-
 уѣчество въ положенiи страшнаго преступника,
 надъ которымъ на эшафотѣ совершается казнь не-
 смлннаго правосудiя, которой ничто не можетъ
 смягчить; а христiанина—въ положенiи раба, ко-
 торый отъ наказанiя смиряется и унижается, и въ
 глазахъ своего повелителя готовъ самъ на себя

налагать удары. При такихъ мысляхъ, можно впасть въ аскетизмъ ложный, преувеличенный и оскорбительный, которымъ по справедливости возмущалась бы наша природа. Но тѣмъ не менѣе не сѣдуетъ скрывать отъ себя и того, что любовь къ Богу, главнѣйшее начало истинной Религiи, сопряжена со множествомъ препятствiй, находящихся внутри и внѣ насъ; потому что мы, по своему настоящему состоянiю, и рождаемся съ расположенiями противными это любви. Не надобно закрывать это строгое лице Евангелiя и думать, будто можно избѣгнуть трудностей Евангельской жизни отдаваясь любви воображаемой и наружной, которая оставалась бы безъ послѣдствiй и безъ перемѣны нравственной, и которой мы не желали бы себѣ самимъ со стороны друзей нашихъ. Этимъ путемъ легко спуститься въ квиетизмъ,—заблужденiе, не менѣе оскорбительное, какъ и первое.

Если бы человекъ остался въ правильномъ естественномъ состоянiи, каково было его невещное состоянiе, тогда любить Бога не стоило бы никакихъ усилiй, было бы такъ же естественно какъ естественно намъ теперь любить людей, любить удовольствiя и чувственныя наслажденiя; въ такомъ правильномъ состоянiи ему было бы невещно, какъ можно любить все эти предметы грѣшныя и преходящiе, такъ же какъ теперь ему трудно понять, какъ возможно оставить эти предметы изъ любви къ Богу. Но съ того времени, какъ чрезъ грѣхъ онъ отвратился отъ Бога и потерялъ Его изъ виду въ своемъ сознанiи, онъ съ жаждою бросился на предметы тварныя и по истинному, несокрушимо сохранившему память о его первоначальной судьбѣ, на нихъ сталъ переносить

свойства самаго Бога. Даже при помощи одного разума, можно ли указать, можно ли вообразить болѣе чрезвычайное, болѣе огромное безуміе? А между тѣмъ увлекающая насъ въ это безуміе склонность такова, что насъ надобно крѣпко натянуть и поднять, такъ сказать, на высоты разума, чтобы мы могли это примѣтить. При такомъ плачевномъ состояніи, чтобы придти намъ въ порядокъ и къ самосознанію, что нужнѣе всего, если не отказаться отъ всего, чтобы идти къ Богу, такъ же какъ мы отказались отъ Бога, чтобы броситься на нѣ? Конечно это требуетъ много усилій и трудовъ, потому что, при нашемъ невѣжествѣ и развращеніи, мы знаемъ и ощущаемъ только тѣ предметы, отъ которыхъ намъ слѣдуетъ отказаться; а Богъ представляется намъ только какъ неуловимая отлученность. Но если у насъ нашлась возможность утратить любовь къ Богу съ той минуты, какъ мы оставили Его ради предметовъ недостойныхъ; то тѣмъ больше должно думать, что мы потеряемъ любовь къ этимъ недостойнымъ предметамъ, когда откажемся отъ нихъ ради Бога. Безъ сомнѣнія, между отпаденіемъ и обращеніемъ нашимъ разность заключается въ томъ, что обращеніе противъ себя встрѣчаетъ противодѣйствіе нашей развращенной природѣ; но Самъ Богъ, въ лицѣ Иисуса Христа, съ тою именно цѣлюю и намереніемъ къ намъ, чтобы поднять насъ своею благодатию и производить въ сердцѣ нашемъ преобладающее діаніе Бога, которое развивается по мѣрѣ отрѣшенія нашего отъ тварей. Отрѣшеніе это должно начаться прежде всего и въ точности соответствовать влеченіямъ благодати; потому что ничто не можетъ совершиться въ человѣкѣ безъ уча-

стія его собственной свободы.

Такимъ образомъ начало самоотреченія и самоумерщвленія есть начало, существенно возражающее въ насъ любовь къ Богу и съ нею сливающееся въ одно, и первый двигатель въ дѣлѣ нашего возстановленія и преспѣванія нашего на путь къ высочайшей цѣли нашего предназначенія. Безъ него ничто не можетъ совершиться, даже зачатое ничто не можетъ; намъ надобно начинать, такъ сказать, съ разочарованія на счетъ самихъ себя.

Обратите также вниманіе на всю строгость этого закона и въ то же время на всю его мягкость. Онъ не ограничивается отсѣченіемъ вишнихъ нашихъ привязанностей къ тварямъ, такъ чтобы за тѣмъ предоставлять насъ самимъ собой; это было бы только пустое и ни съ чѣмъ несообразное суевѣріе; ибо не нашихъ благъ требуетъ отъ насъ Богъ, и не эти грубыя жертвы могутъ удовлетворить Его. Его законъ—*духъ и истина*. Богъ ищетъ насъ самихъ, требуетъ отъ насъ нашего сердца, сколько для счастія нашего, столько же и для Своей славы. Жертвовать для Него всѣмъ, не жертвуя самимъ собою, значитъ ничто не жертвовать; это значило бы—насъ самихъ предоставлять средоточіемъ нашей власти и нашихъ наслажденій, а Евангеліе такую фарисейскую привязанность нашу къ намъ самимъ еще строже ожидаетъ, чѣмъ всѣ преступленія вишнія: первое оно поражаетъ только громами; а относительно послѣднихъ съ угрозами соединяетъ слезы и жалыніе. Такъ Евангеліе не требуетъ отъ насъ материальнаго и дѣйствительнаго пожертвованія нашими благами и нашими законными привязанностями, но нравственнаго отрѣшенія отъ нихъ,

требнаго и духовнаго безкорыстія; а это совершенно иное дѣло. Оно не измѣняетъ ничего, кромѣ сердца; оно и ублажаетъ *нищихъ духомъ*. Если оно превозноситъ похвалами участь бѣдныхъ и несчастныхъ; то, конечно, не потому, что будто бы бѣдность и несчастіе сами по себѣ ведутъ къ небу, но потому, что въ этомъ состояніи внутреннее отрѣшеніе болѣе удобно; такъ какъ здѣсь довольно одного простаго согласія. Равнымъ образомъ, когда оно строго осуждаетъ богатыхъ, то не потому, что они богаты, а потому, что при ихъ богатствѣ, имъ очень трудно мыслить и чувствовать такъ, какъ бы они были не богаты. Чувство и мысль, сердце и разумъ,—вотъ все, что требуетъ отъ насъ Богъ и Евангеліе, какъ бы въ отличіе отъ всѣхъ боговъ земныхъ.

Но это немаловажное дѣло: тутъ все, и потому именно все тутъ, что люди сами по себѣ никогда бы не принесли этого въ жертву; и Евангелію, открыто предъявившему такое требованіе, принадлежитъ Божественное достоинство. А когда требованіе такой жертвы исходитъ отъ Бога; строгость этого требованія имѣетъ свое основаніе въ насъ, въ нашемъ глубокомъ ниспаденіи, какъ слѣдствіе нашего же злоупотребленія величайшимъ даромъ Божиимъ—свободою. Отъ Бога же зависитъ познаніе и увѣренность въ томъ, что Онъ благоволилъ послѣ такой потери съ нашей стороны, опять обратить насъ къ Себѣ,—тѣ средства, которыя Онъ употреблялъ и употребляетъ для нашего приведенія къ Себѣ, равно какъ и то, что Ему благоугодно было исцѣлить насъ и помазаніемъ Своей благодати смягчить и облегчить пожертвованіе съ нашей стороны мнимыми благами нашими. Ибо если

этотъ нравственный переходъ съ одной стороны труденъ; то съ другой въ немъ есть неизреченная сладость; въ немъ совмѣщаются свойства двухъ нравственныхъ состояній, преемственно слѣдующихъ одно за другимъ, и эти—то свойства, по своей противоположности, противоборствуютъ другъ другу съ большею или меньшею силою, смотря потому, больше или меньше соотвѣтствуютъ наши свободныя положенія подаваемой намъ благодатной помощи, которая съ готовностію стоитъ у дверей нашего сердца, чтобы содѣйствовать намъ въ дѣлѣ нашего самопожертвованія. Этимъ объясняются всѣ мѣсты Евангельскія, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ, говоря о самоумерщвленіи и строгости Евангельскихъ заповѣдей, всегда соединяетъ съ этимъ рѣчь о блаженной жизни, полной неизреченной сладости: *свѣтите иго Мое на себя, говоритъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко*.—Удивительное противоположеніе: *иго удобное и копящее*; да, ибо оно разрѣшаетъ отъ всякаго другого ига; *иго благое*; ибо оно есть иго любви. Дѣйствительно, въ любви къ Богу обрѣтаютъ жизнь тѣ, кто рѣшается потерять ее самоумерщвленіемъ; но *жизнь вѣчную*, жизнь полную, свободную, глубоко спокойную, и однакоже непрестанно пламенѣющую. Они даже не теряютъ ни блаженствъ ни привязанностей настоящей жизни, избѣгаютъ только начало и свойства нашихъ привязанностей въ отношеніи къ нимъ. Они уже не пользуются этими благами сами по себѣ, но по волѣ Бога, какъ дарами Его, и употребляютъ ихъ соотвѣтственно ихъ истинному достоинству; а достоинство ихъ сравниваютъ съ достоинствомъ верховнаго блага и последнему подчиняютъ ихъ, и чрезъ то обрѣтаютъ

содерживаютъ ихъ, и успокоиваются въ наслажденіи
 верховнымъ благомъ, даже когда лишаются благъ
 временныхъ.

Вотъ объясненіе любви къ Богу, или Евангельскаго начала самоумерщвленія въ отношеніи къ Богу. Черезъ это человѣкъ опять становится на своемъ мѣстѣ, лицомъ къ лицу съ своимъ главнымъ Началомъ, отдавая Ему совершеннѣйшее уваженіе, такое только можетъ воздавать падшая природа наша, уваженіе въ очищеніи себя, покаяніи и любви. Если есть Религія истинная, разумная, Божественная (она должна быть одна); то это именно та, которая приноситъ Богу въ жертву самое сердце человѣческое и съ нимъ всякое созданіе, которое въ немъ, какъ своемъ разумномъ органѣ, разрѣшается сознательнымъ чувствомъ и мыслію. Въ этомъ и состоитъ то подлинное служеніе *въ духъ и истиннѣ* Религіи естественной, которое одно Христичество, съ появленіемъ своимъ, осуществило на землѣ, очистивъ его отъ всѣхъ осквернявшихъ его суетврій.

2) Теперь разсмотримъ безусловное, Божественное превосходство этого Евангельскаго начала, *относительно нашихъ обязанностей.*

По ученію человѣческому, признаки добродѣтели и долга усматриваются въ насъ самихъ и въ томъ, что непосредственно окружаетъ насъ,—въ общественномъ уваженіи и въ нашемъ собственномъ уваженіи. Понятно, что тутъ побудительное начало добродѣтели и долга заключается въ нашемъ удовольствіи и въ нашемъ личномъ покоѣ, т. е. въ свескорыстіи и любви къ самому себѣ, въ обширномъ смыслѣ принимаемыхъ. Это такъ справедливо, что если бы возможно было пользо-

ваться общественнымъ уваженіемъ и спокойствіемъ совѣти, помимо трудовъ для добродѣтели то руководствующіеся этимъ началомъ не задумались бы дѣлать и зло.

Не обвиняясь, говоримъ, что наименьшее неудобствъ такого правоученія есть неподвижность; а прямое его направленіе клонится къ тому чтобы вести человѣка назадъ, и въ наибольшемъ числѣ случаевъ оно, по необходимости, служитъ только игралищемъ страстей, а не обузданіемъ ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ чувствительность совѣти мѣняется и слабѣетъ по мѣрѣ того, сколько уязвляются; она какъ бы сжимается и свертывается, потому что по природѣ своей чувствительна. Она бываетъ не только корнемъ добродѣтели, но также и цвѣтомъ ея. Если она имѣетъ влияние на наше поведеніе, то и поведеніе наше имѣетъ обратное дѣйствіе на нее, измѣняетъ и насилуетъ ее, дѣлаетъ ее ложною, а иногда и убиваетъ ее.

Отъ этого чувство нравственное у извѣстныхъ рода людей бываетъ до того притуплено, что въ рѣдкость встрѣтить между ними такихъ, кои съ вѣсѣмъ его потеряли и которые, по выразительному изрѣченію писанія, *плотъ беззаконіе, какъ воду*. Касательно общественнаго мнѣнія достаточно мѣттить, что оно есть только сложный отголосокъ всѣхъ такихъ болѣе или менѣе испорченныхъ совѣстей; очевидно, какъ поразительна неудобствительность этого мнѣнія. Оно столько разнообразно, имѣетъ такое множество оттѣнковъ, что всегда можетъ благопріятствовать страстямъ и давать имъ возможность увернуться отъ его приговора. Оно, какъ по самой сущности своей, слабо

ное и измѣняемое. само, по своимъ прихотямъ, отнимаетъ вѣсь и значеніе у собственныхъ строгихъ приговоровъ; и въ этомъ отношеніи, когда держать себя независимо отъ него, нерѣдко оказывается болѣе истинной мудрости, чѣмъ когда подчиняются ему раболѣпно.

Таковы однакожъ основанія правоученія человеческого. А каковы основанія, таково и правоученіе,—по самой сущности своей, случайное, ограниченное и шаткое. Да и могло ли это быть какъ либо иначе? Точка опоры для долга взята въ самомъ подлежащемъ долгу, и законъ зависитъ отъ самаго исполнителя его.

Не скажутъ ли, что сознаніе собственнаго достоинства, внутреннее удовольствіе, соединенное съ добродѣтелию, и уваженіе подобныхъ намъ людей, сами по себѣ, естественно могутъ составить противувѣсіе страстямъ и удержать насъ въ пределахъ долга?—Отвѣчаю, что это справедливо по отношенію только къ самому ограниченному числу людей и притомъ только въ извѣстной степени.—Всѣ эти соображенія, какъ мы уже замѣтили, въ самомъ дѣлѣ сводятся къ одной и единственной мысли о *выгодѣ и удовольствіи*, т. е. такомъ предметѣ, на счетъ котораго мы больше всего готовы увлекаться обольщеніемъ и который въ вѣдь тѣмъ, самъ по себѣ, не имѣетъ ничего нравственно обязательнаго. Притомъ *выгода и удовольствие* равно служатъ и двигателемъ страстей, съ тою огромною разностию, что эти побужденія представляются здѣсь первыя и въ чертахъ самыхъ привлекательныхъ и замѣтныхъ; а между тѣмъ, по отношенію къ долгу, они бываютъ послѣдними и представляются въ ничтожномъ видѣ

тѣ квкѣ бы поглощаются тою тягостно и принужденіемъ, которыя должны предшествовать выдѣлу или удовольствію.

Отсюда выходитъ, что, за исключеніемъ вѣдѣтельныхъ преступленій, противъ которыхъ слѣдуетъ громко вопіють совѣсть и мнѣніе общественное, есть множество такихъ нарушеній заповѣдей нравственнаго, къ которымъ мы относимся слѣдуетъ съ снисходительно; потому что когда взвѣсимъ все, то удерживаться отъ такихъ нарушеній значило бы больше терять вреда, чѣмъ получать выгоды. Вѣдь общественное мнѣніе не станетъ ради насъ сводить счеты нашимъ усиліямъ нравственнымъ, и въ собственной совѣсти нашей будутъ оставаться только неуволнимыя свидѣтельства нашихъ оцѣнки. А послѣ всего этого что же можемъ имѣть для насъ какую либо важность, если только наше доброе имя не страдаетъ и собственная совѣсть не слишкомъ беспокоитъ насъ? Не это ли и единственная наша цѣль? Тутъ каждому позволительно по своему понимать собственныя выгоды и собственное благополучіе. Здѣсь все дѣло—въ расчетъ. Ошибки въ семь случаевъ составляютъ только неблагоразуміе и неискренность. И такъ какъ этотъ главный взглядъ долгъ, очевидно, разстроиваетъ благополучіе, неискренность и неблагоразуміе въ семь дѣлъ будутъ повторяться часто, и общее стремленіе будетъ оставаться безуспѣшнымъ.

Мы здѣсь говоримъ только о воздержаніи отъ зла; а что же нужно сказать о восходящемъ пути въ дѣланіи добра, о томъ постоянно возрастающемъ улучшеніи въ нравственномъ совершенствѣ, которое и составляетъ истинную добродѣтель?

менно, довольно уже, если мы держимся и того, что намъ строго предписывается; но и этотъ путь строгого предписанія, подъ вліяніемъ выгодъ, и минутныхъ страстей, постоянно будетъ измѣняться то въ ту, то въ другую сторону.

Таково нравоученіе человѣческое съ его правдивостію! Намъ только мѣшаетъ сознать все безсиліе его то, что оно существуетъ не одно, что оно, подобно чужеядному растенію, находитъ себѣ опору въ здоровомъ стволѣ Евангельскаго нравоученія, глубоко пустившемъ корни свои въ средѣ общества. Безъ этого и самое общество наше скоро рушилось бы и нашимъ глазамъ не замедлило бы вновь представиться зрѣлища огромныхъ катастрофъ челоѣчества, бывшихъ до пришествія Христа.

Далеко не то Евангельское нравоученіе. Въ этомъ ученіи первообразъ долга—не въ насъ и не во кругъ насъ, не въ случайномъ и измѣняемомъ; но—въ насъ и въ всего міра,—въ Богѣ, по самому существу своему неизмѣняемомъ самосущемъ. Долгъ, по ученію Христіанскому, высочайшая воля Бога Творца, повелѣвающая или запрещающаго твари. Слѣдственно, долгъ не есть какая нибудь отвлеченность, сливающаяся съ нашею совѣстію и отъ нея зависящая, потому зависящая и отъ нашего произвола, какъ зависить отъ него и самая совѣсть; нѣтъ, это личная власть Бога, существенно отличная отъ нашей воли и нашей совѣсти и поставляющая для воли и совѣсти нашей непреложныя правила. Предметы ученіемъ и внушенія совѣсти и всѣ нравственные соображенія челоѣческія оказываются не совершенными, испорченными и вредными; и оно

лучшія изъ нихъ непрестанно возводитъ къ ихъ
 верховному первообразу, явленному на землѣ въ
 Откровеніи и особенно въ лицѣ Іисуса Христа, въ Египетѣ
 примѣръ и ученіи,—что все, среди теченія въковы
 неизмѣнно и неприкосновенно хранится въ небес
 номъ ковчегѣ—Церкви, какъ учрежденіи Божест
 венномъ. Это ученіе ни подъ какимъ видомъ не
 позволяетъ себѣ, подобно ученіямъ человѣч
 скимъ, входить въ сдѣлку съ страстями, по кото
 рой сіи послѣднія, въ награду за добродѣтели
 суляютъ земное благополучіе; эту награду оно от
 лагаетъ до будущей жизни, а въ настоящей пре
 лагаетъ только одинъ законъ долга. А чтобы по
 держивать въ насъ воодушевленіе противъ преле
 ствій, оно предлагаетъ намъ предварительный за
 конъ отреченія отъ всего земнаго и самоумерен
 леніе, не позволяя ни на минуту отлагать эти ор
 жія, подобно воинамъ, которыхъ всегда занима
 ютъ воинскими упражненіями, въ ожиданіи в
 рятеля. Но въ тоже время оно сообщаетъ намъ
 таинственнымъ образомъ то, что обѣщано въ
 нымъ только въ будущей жизни, внося въ ду
 нашу предвкушеніе мира небснаго, болѣе са
 достнаго, чѣмъ дѣйствительное наслажденіе бла
 гами преходящими; и такимъ образомъ поддержа
 ваетъ въ насъ мужество, не подвергая опасности
 наше безкорыстіе. Наконецъ, къ исполненію дол
 га и ко всякому соединенному съ нимъ самопожертво
 ванію оно воспламеняетъ насъ чувствомъ, коего е
 стественная потребность—жить только самопожерт
 ваваніемъ; это чувство—любовь къ Богу. Къ это
 му чувству сводятся и изъ него вытекаютъ всѣ
 виды долга, безъ всякаго уклоненія къ нашему
 самолюбію и превыше всѣхъ вещей сотворенныхъ

Таковы побужденія въ христіанскомъ правоученіи: «законъ долга», говоритъ одинъ философъ, «составляетъ его основаніе, — законъ святой, который христіане называютъ любовью къ Богу; потому что какъ Богъ ихъ есть самъ въ себѣ Высочайшее Благо, то повиноваться долгу, любить долгъ значить повиноваться Богу и любить Его выше всѣхъ тварей». (*)

Теперь смотрите, какъ душа христіанина, подъ господственнымъ вліаніемъ этихъ идей, подкрѣпленная вѣрою въ свѣтоносные догматы и оживляемая благодатію, совершаетъ свой полетъ. Какъ только удовлетворено всей строгости долга, предѣляемаго общественнымъ мнѣніемъ и совѣстью, — это крайній предѣлъ, до котораго рѣдко и доходитъ нравственность человѣческая, — она получаетъ одобреніе и успокоивается, какъ будто бы все уже исчерпано; но нравственность Евангельская въ этой точкѣ только что начинается. Она начинается въ христіанинѣ презрѣніемъ его къ самому себѣ и отреченіемъ отъ всякаго одобренія людскаго, составляющаго вѣнецъ добродѣтели человѣческой; и съ оставленіемъ всѣхъ этихъ вещей, она призываетъ и на крыльяхъ Божественной любви уносить его къ идеалу совершенства, предѣлы котораго бесконечно раздвигаются, или лучше, которое не имѣетъ никакихъ предѣловъ; ибо этотъ идеалъ совершенства есть Самъ Богъ: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный*. Все, что сдѣлано христіаниномъ, ничего не значить, пока онъ не достигнетъ предѣла своего стремле-

(*) Jules Simon, Introduction aux Oeuvres de Malebranche, p. 21 edit. Charpentier.

нія; и такъ какъ предѣль этотъ постоянно отдвигаетъ ся далѣе и далѣе; то онъ всегда остается въ той мысли, что еще ничего не сдѣлалъ. Все прочее теряется въ его глазахъ; онъ даже не смотритъ на самого себя; но, наклонившись впередъ онъ забываетъ все заднее, и всеми силами своими напрягается овладѣть внѣ себя верховнымъ совершенствомъ. Въ этомъ образѣ положенія тѣла и души человѣческаго св. Ап. Павелъ представляетъ добродѣтель христіанскую: *задняя забывая, и, простираясь впередъ, стремлюсь къ цели.* (Филип. 3, 13. 14)

Но самое характеристически отличительное въ этомъ Божественномъ ученіи то, что оно самыя препятствія обращаетъ въ средства. Исполненіе долга во всехъ дѣлахъ сопряжено съ трудностями, непріятностями, лишеніями и пожертвованіями; отсюда выходитъ, что исполненіе долга есть истинное поприще самоотреченія, или любви—глаголющаго закона христіанскаго, и такимъ образомъ все, что препятствуетъ людямъ исполнять свои обязанности, для христіанина исчезаетъ, или дуще, измѣняется въ новыя побужденія къ исполненію своихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ повиновенія закону долга, въ требуемыхъ отъ него жертвованіяхъ онъ находитъ случай исполнять законъ самоумерщвленія, и такимъ образомъ въ самыхъ препятствіяхъ признаетъ призваніе къ добру. Поэтому самая совершенная добродѣтель человѣческая далеко уступаетъ добродѣтели христіанской; ибо тогда какъ первая, при встрѣчѣ съ препятствіями, много—что исполняетъ только свои обязанности, послѣдняя исполняетъ ихъ по призыву самихъ этихъ препятствій и опирается на призывъ, чтобы преодолѣть ее.

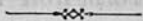
Послѣ этого понятно, что у христіанина всѣ обязанности облагороживаются и становятся дѣйствительными религіозно—благочестивыми; ибо всѣ они стоятъ въ прямой связи съ благоговѣніемъ и любовью къ Богу; всѣ обращаются какъ бы въ священническую жертвенникъ, на которомъ человѣкъ приноситъ свою собственную волю въ жертву волю Бога своего, и гдѣ онъ, по мѣрѣ собственного самопожертвованія, находитъ расширеніе любви къ Тому, кто облегчаетъ для него его долга и помогаетъ ему стремиться по пути Его заповѣдей.

И это относится ко всѣмъ видамъ обязанностей безъ исключенія. Самыя важнѣйшія изъ нихъ, какія только можно себѣ представить, въ которыхъ требуется пожертвованіе всѣмъ достоинствомъ и жизнію,—не выше усилій, какія естественно должно возбуждать начало, требующее рѣшительнаго отреченія отъ имѣнія и жизни. Христіанинъ есть жертва, совершенно и всегда готова на всѣ виды самопожертвованія. Никакія пожертвованія не приводятъ его въ изумленіе, и онъ естественно всегда оказывается въ уровень съ ними; такъ какъ всегда носитъ въ сердцѣ своемъ живое и дѣйственное отреченіе отъ всѣхъ вещей, на какія только могутъ простираться требованія закона о самопожертвованіи. И такъ какъ онъ въ всѣхъ расположеніяхъ и движеніяхъ духа своего живетъ въ Бога, Котораго любитъ, и всѣ удары сердца своего предпослалъ въ Его сокрушеніи; то всѣ удары несчастія могутъ только ускорять его теченіе по пути его любви и надежды, и всецѣлое крушеніе вещей человѣческихъ поможетъ ему достигнуть вѣчнаго приобщенія.

Но какъ самыя великія обязанности не выш
христіанина; такъ и самыя мелкія и малознач
тельныя изъ нихъ не ниже его. Есть множество
мелкихъ обязанностей, незначительныхъ, еже
дневныхъ, свидѣтелями которыхъ не бываю
тъ взоры человѣческіе и наградою—молва людская
и относительно которыхъ слабость человѣческа
всегда готова давать себѣ ослабу подъ предло
гомъ тяжести обязанностей видныхъ; но онѣ—т
и составляютъ, по истинѣ, родное поприще доб
родѣтели христіанской. У христіанина ни въ ка
комъ смыслѣ не должно быть обязанностей мел
кихъ; потому что все онѣ измѣряются однимъ
тѣмъ же закономъ воли Божіей. Нѣтъ у него
обязанностей малозначительныхъ; потому что он
разсматриваетъ ихъ достоинство не по предмету,
по началу ихъ, которое есть любовь къ Богу, очи
щающая и облагороживающая ихъ. Любовь эти
питающаяся самоотреченіемъ, находитъ свою вы
году въ такой незамѣтной вѣрности въ малыхъ
вещахъ, поставляющей ее въ болѣе тѣсное собо
женіе и какъ бы дружеское общеніе съ Богомъ
потому именно, что въ семъ случаѣ только Онъ
одинъ бываетъ свидѣтелемъ и судіею ея дѣйствій.
Взоръ Отца небеснаго, видящій сокровенное, не
жестокъ, съ большимъ благоволеніемъ останавли
вается на тѣхъ дѣлахъ самопожертвованія, гдѣ
суетность и самолюбіе ничего не похищаютъ,
чистота которыхъ во всей цѣлости извѣстна Богу
одному. За дѣла такого рода есть особыя частныя
награды, какъ и заслуживающая ихъ вѣрность
имѣетъ свою особенность. «Хорошо, говоритъ Господь
сподь въ Евангеліи, добрый и вѣрный рабъ, въ
маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебя по

ставлю; войди въ радость господина твоего». (Матт. 25, 21)

Такимъ образомъ Евангельское начало правденности имѣетъ приложеніе ко всемъ обязанностямъ и образуетъ въ человѣкѣ рѣшительное и полное расположеніе къ добродѣтели.

Пріемъ для обученія грамотѣ, посредствомъ котораго понятливый мальчикъ черезъ недѣлю послѣ вступленія въ училище можетъ читать.

При имѣющихся нынѣ новыхъ методахъ обученія грамотѣ извѣстнѣйшихъ педагоговъ: *Золотова, Ушинскаго, Лавинскаго, Дирикера* и др., излишнее дѣло отыскивать новый методъ. Не о томъ я хочу писать; я хочу предложить общему вниманію только *простой пріемъ*, или *сиаровъ*, къ скорнѣйшему обученію грамотѣ.

По двумъ методамъ изъ указанныхъ выше педагоговъ самъ обучалъ; методы другихъ я читалъ, а лекцію одного изъ нихъ я также самъ имѣлъ честь слышать... Всѣ эти методы прекрасны; но они болѣе идутъ, какъ и г. Ушинскій отзывается, — для городской постоянной школы, для домашняго гувернера, или для отца съ матерію, обучающихъ свое дитя. Но для нашихъ сельскихъ школъ, гдѣ онѣ теперь существуютъ, вышепоказанныя руководства трудно примѣнимы, — отнять много времени.

Хотя г. Ушинскій говоритъ, что этимъ дѣломъ спѣшить не нужно, и г. Золотовъ, какъ самъ я отъ него слышалъ, при обученіи по его азбукѣ, совѣтуетъ не торопиться, а имѣть терпѣніе: но въ нашихъ сельскихъ школахъ время очень дорого.... Во многихъ изъ нихъ,

если счастье какъ слѣдуетъ, ученіе идетъ никакъ не болѣе четырехъ и пяти мѣсяцевъ. Присоедините къ этому растоптое село, нынѣ слякоть, завтра сипуга, немѣние у которыхъ обуви и теплой одежды, — чтожь останется? Родители же ждутъ успѣховъ, и болѣе трехъ зимъ рѣдкая малютка посѣщаетъ училище; при нынѣшнихъ всевозможныхъ раздѣлахъ семействъ малютка и для дома дорога. Таковыя обстоятельства и навели меня на предлагаемый мною способъ къ скорѣйшему обученію грамотѣ. Будетъ описывать такъ, какъ у меня шло дѣло въ прошломъ году и нынѣ идетъ...

Осенью прошедшаго года, въ теченіе 3-хъ дней, поступило ко мнѣ въ училище болѣе 25 малютокъ. Сначала я попробовалъ учить ихъ по новымъ методамъ, выставивъ буквы на доскѣ; но это, по разнообразію возрастовъ способностей, оказалось окончательно неудобнымъ. Въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1866 годъ, въ № 2 описанъ образцовый порядокъ благоустроенной воскресной школы, гдѣ на пять и на шесть учениковъ полагается одинъ учитель. Но что нужно дѣлать одному учителю съ 35 учениками, изъ которыхъ 25—новички, знающіе ни одной буквы? Да какіе еще, — сельскіе, крестьянскіе, боявшіеся говорить, не умѣющіе смотрѣть и привыкшіе сидѣть?!

Такихъ—то учениковъ, примѣняясь къ ихъ способностямъ, я рассадилъ попарно, и каждой парѣ выдавалъ три буквы: *а*, *б* и *в*, сказавъ каждому, что это—*азъ*, это *буки*, а это—*вуди* (у меня буквы наклеены на картонахъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ). Какая пара учениковъ различала каждую букву отчетливо и въ разбивку, той выдавалъ слѣдующую букву *г*, сказавъ, что это—*глазоль*. И такъ дѣлалъ, прибавляя по одной или по двѣ... Мое дѣло въ то время только и состояло, что выслушивалъ каждую пару учениковъ и выдавалъ по новой буквѣ. Такимъ образомъ,

Въ первый день, въ два класса, почти всеми и твердо изучено до буквы. Классъ прошелъ весело, ученики занимались съ увлеченіемъ; они щелкали буквами какъ картами, приговаривая: это—*глаголь, земля, азъ* и т. под.

На другой день къ пройденнымъ на первый и повтореннымъ я подбавлялъ еще по одной или по двѣ. На 3-й день почти все ученики кончаютъ азы. На 4-й выдавалъ ученикамъ таблицы Главинскаго, гдѣ буквы отпечатаны на 2-хъ экз., въ разбивку. На пятый день роздалъ кому тетради, кому книги, по которымъ ученики узнавали буквы, читая рядомъ: *буки, у, добро, буки, люди, азъ* и т. Шестой день можетъ пройти въ таковомъ же занятіи; въ некоторыхъ малютокъ это уже долго. Впрочемъ, это и мое главное дѣло: когда ученикъ вездѣ узнаетъ буквы отчетливо и скоро, тогда дѣло самое трудное кончено,— онъ очень близокъ къ чтенію...

Послѣ этого, на 7-й день, я объяснилъ всему классу, какъ буквы теперь не станемъ звать *азъ, онъ, есть* и др., а короче—*а, е, о* и проч. И сейчасъ же, поднявъ Петра, спрашиваю его: *о*, Василию—*а*, и т. под. и спрашиваю: какъ теперь надобно называть буквы? Отвѣты бывають разные, безъ ошибокъ (букву *и* и въ началѣ не нужно произносить—*еры*, а какъ *и*—грубѣе немного; равно и *ь*—называть не *ить*, а *е*); буквы *ъ* и *ь* при изученіи оставляются, а послѣ при чтеніи объясняю, что въ какомъ словѣ стоитъ *ь*, тогда конецъ его произносится *мягче* того слова, въ которомъ стоитъ буква *ъ*; напр. *конъ* и *копъ*. Буква *й* объясняется при чтеніи—*ай, ой*...

Послѣ гласныхъ приступаю къ согласнымъ и изъ нихъ вначалѣ показываю болѣе твердыя. Объяснивъ прежде, что коренное названіе каждой буквы—тотъ звукъ, который услышите впередъ, я беру букву *с*, подымаю ее и произношу, растянувъ первый звукъ: это—*сс...дово*... какъ же короче назвать эту букву? Многіе тотчасъ зашу-

мять *сѣ... сѣ... сѣ...* и весь классъ повторить нѣсколько разъ—*сѣ... сѣ...* За этимъ опять поясню имъ суть дѣла по подыму того, другаго, третьяго, заставляя коротко произносить букву *с...* Послѣ этого говорю ученикамъ, что прочія буквы также узнавайте... Далѣе беру букву *з* и произношу ее громко, растянувъ 1-й звукъ—*жжжжжж*—какъ короче назвать ее? Потомъ буквы—*з, ѝ, и* т. под. Надъ таковымъ занятіемъ затрудненія не бываетъ: одне классъ, и старинныя, длинныя буквы превратились въ одинъ звукъ. За этимъ необходимо поддержать учениковъ на выгахъ, заставляя произносить буквы по новому методу. Можно бы и прямо изучать буквы по звуковому методу—*а, бѣ, вѣ, гѣ* и т. д; но это очень затруднительно для малютокъ. Старинныя же названія буквъ гораздо скорѣе и тверже удерживаются въ памяти.

На 9-й день (это при большемъ количествѣ учениковъ, а когда идутъ занятія съ однимъ, или двумя, тогда можно успѣть скорѣе) приступаю къ слогамъ. Беру букву *у* и приставляю къ ней *у*, спрашиваю: что это?—отвѣтить съ разстановкою *а... у, ;* скажемъ скорѣе, ребята, безъ разстановки; и начнутъ: *а...у, а...у, а у,* и выработаютъ сами и начнутъ повторять хоромъ: *ау, ау...* Точно также иступаются: *ая, уа, ую...*

Потомъ беру *а*, приставляю *б*, спрашиваю: а это? Нѣкоторые отвѣтятъ съ разстановкою—*а...бѣ*, скорѣе—*а.бѣ, абѣ, абѣ...*; и такъ далѣе: *авѣ, агѣ, яс, юг, эг...*

Послѣ этого ставлю впередъ *б*; спрашиваю, что? Отвѣчаютъ—*бѣ*. Приставляю къ ней *а*; спрашиваю: а что? Понятливый ученикъ отвѣтитъ съ разстановкою *бѣ...а*; скорѣе: *бѣ...а, бѣ.. ба*. Тутъ у всѣхъ выходитъ при этомъ пояснишь, что букву *б* надобно произносить бы, а *бѣ*—коротко, скоро... Нѣсколько минутъ занятія начнутъ составлять: *мои—па—па—и—ма—ма—уш—на—по—ле...*

Когда такимъ образомъ ученики ознакомятся съ складами, тогда опять разсаживаю ихъ попарно и каждой парѣ выдаю азбуки Главинскаго, которыми щедро награжены училища, открытыя Палатою Государственныхъ Имуществъ. Одинъ день занятій, и нѣсколько листовъ, напечатанныхъ съ раздѣленіемъ слоговъ, читаются хорошо. При такомъ моемъ обученіи азбука Главинскаго есть превосходное руководство; хороша она тѣмъ, что въ ней листовъ напечатаны изъ словъ и предложеній съ раздѣленіемъ вкою слоговъ. Три, четыре и пять занятій по этимъ бумагамъ отлично готовятъ учениковъ къ дальнѣйшему, болѣе трудному чтенію. Безъ всякаго сомнѣнія, слабые ученики отстанутъ; но вскорѣ и они поправляются. Этотъ способъ и удобенъ употребляемый мною способъ, можесудить по слѣдующему факту. Въ половинѣ Ноября 1866 года привезенъ былъ ко мнѣ 8-лѣтній мой родственникъ, съ однимъ знаніемъ азовъ; мальчикъ кто-то ужъ немного крѣпокъ на ухо. На другой день онъ безъ слоговъ читалъ азбуку Главинскаго; къ Рождеству Христу онъ читалъ уже развязно съ очень—очень рѣдкими ошибками всякую книгу гражданской печати. . .

Вотъ и способъ обученія, мною употребляемый! Чтожъ въ немъ особеннаго и интереснаго? . . .

Предъ стариннымъ методомъ то преимущество, что не тратится время на склады. По методу же Золотова каждая буква, такъ сказать, вырабатывается съ трудомъ. Для того чтобы читать легкое дѣло напр: слово—*изба* разложить на звуки: *и—зъ—бъ—а*, но для малютокъ это камнестыканія. Притомъ, въ словахъ, предлагавшихся для изучения, букву *з* ученикъ узнаеть скоро; но поставьте ту же букву въ другое слово, и сталь въ тупикъ. Говорю это по опыту, такъ какъ я самъ по методу Золотова обучалъ 4-хъ мальчиковъ. Еще то неудобство, что ученики не знаютъ своихъ способностей; такъ двое въ одномъ словѣ узна-

ютъ всѣ звуки, а еще двое никакъ не усвоить двухъ, для пятого одинъ только звукъ никакъ не удерживается въ памяти. Въ другомъ словѣ—таже исторія. Ктому жъ, въ одномъ перемѣщеніи буквъ сколько пройдетъ времени? Учитель же все одинъ, а тутъ есть другіе ученики, другимъ дѣлами занимающіеся. При способѣ же мною описанномъ, я могу присматривать и за пишущими и за читающими.

Азбука Дерикера гораздо ближе къ дѣлу, а руководство Ушинскаго хорошо собственно для обученія своего дитяти. Различіе моего способа передъ новыми методами ясно подобіемъ:

Положимъ, всѣмъ намъ предстоитъ важное дѣло; инструментовъ требуется много. Вотъ мы взялись за дѣло съ матеріалъ весь подъ руками, инструментъ разложенъ; должно бы начинать, но распорядитель дѣла, не объяснивъ что къ чему идетъ и что чѣмъ нужно работать, а намъ нувъ только кое—на что, приказываетъ самимъ пригладить какой инструментъ къ какому дѣлу пригоденъ и проч. По этому, не зная дѣла, пройдетъ много времени въ полезныхъ занятіяхъ... Но не то было бы, когда распорядитель въ началѣ объяснилъ бы подробно; тогда пріятіе пойдетъ гораздо успѣшнѣе... Точно также въ обученіи грамотѣ: по новымъ методамъ буквы какъ—отыскиваются, названія и свойство ихъ узнаются чрезъ намеки и разные доводы. Отъ этого затрудненіе въ томъ, что буквы не скоро заучиваются, съ трудомъ доставаются. Но не то въ моемъ приѣмѣ! Всѣмъ извѣстно, какъ легко и скоро, даже 4-хъ лѣтнія малютки, заучиваютъ буквы стариннымъ названіямъ. Если это легко, такъ ничто не стоитъ, какъ выше я говорилъ, перемѣнить длинные названія на буквы на звуковыя. А кто хорошо знаетъ вездѣ буквы, для того уже нѣтъ затрудненія и въ чтеніи. И я выхожу на дѣло съ отчетливымъ знаніемъ, какъ

инструментомъ, какъ и что нужно дѣлать? За чѣмъ хитрить и дѣлать тѣмъ дарчикомъ, который просто открывается?! Занятники новыхъ методовъ говорятъ, что при таковомъ обученіи развиваются способности учениковъ; но это болѣе зависитъ отъ умѣнья и энергіи наставника.—Скажу въ заключеніе, что я пишу все это, не имѣя и мысли порицать методы извѣстнѣйшихъ педагоговъ. Они прекрасны, въ своемъ мѣстѣ: къ нашимъ же сельскимъ школамъ, таковы онѣ теперь, тѣ методы трудно примѣнимы.

Предлагая общему вниманію придуманный мною способъ для скорѣйшаго обученія грамотѣ, я не имѣю смѣлости считать его совершеннымъ. Впрочемъ и не желаю, чтобы встрѣтили его съ недоувѣріемъ и усмѣшкою. А прощу покорнѣйше г. г. наставниковъ и родителей дѣтей повѣрить на дѣлѣ предлагаемый мною способъ, и свои опыты сообщить въ редакцію Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. (*) Если же и не понравится описанный мною способъ, то не спѣшите, отцы и братія, класть черное пятно на него; въ этомъ дѣлѣ непременно требуются опытнѣе, навыкъ и искусство...

Въ началѣ ученія съ малютками бываютъ такія минуты, что онѣ не узнаютъ ни одной буквы... Въ такомъ случаѣ не нужно торопить, а надо дать отдыхъ маленькому ребенку, или занять чѣмъ другимъ. У меня таковое правило: когда скоро увижу, что ученики стали скучать чтеніемъ, я часть останавливаю занятіе этимъ и, задавъ тонъ, читаю всѣмъ классомъ молитвы, или поемъ чтонибудь.... После этого растолкуешь какуюнибудь молитву. Далѣе чтеніе, а послѣ счетоводство, или письмо на доскахъ... Вообще переменна занятій очень полезна: классъ проходитъ весело, безъ скуки и въ полезныхъ занятіяхъ.

Которая имѣетъ непремѣнною обязанностію печатать подобныя сообщенія, необходимыя особенно въ настоящее время. См. Москов. Вѣдом.

При первоначальномъ чтеніи не нужно торопиться, чтобы ученикъ выговаривалъ по книгѣ все слово: пусть читаетъ раздѣльно: *мо—й па— па и ма—ма уи—ли на—ле...*

Это избавляетъ учениковъ отъ привычки заминать и прибавлять при чтеніи *и* или *ммъ..*

Неудобство звуковаго ученія въ томъ только и состоитъ, что затрудняетъ ученика при письмѣ подѣловку. Но и это при частомъ занятіи исправится.

Первый годъ—упражненіе въ чтеніи должно быть въ книгамъ гражданской печати: это проще и легче, а переходъ къ славянскимъ книгамъ не затруднителенъ.

При ученіи грамотѣ по стариннымъ азбукамъ молитвы заучиваются прежде всего; но при новыхъ методахъ молитвы могутъ изучиваться по книгамъ по прошествіи уже года. Потому—то и необходимо читать ежедневно молитвы всѣмъ классомъ, чѣмъ и вознаградится этотъ временный недостатокъ.

Если бы у кого малютка и склады уже выучилъ, лучше всего не томить его чтеніемъ по складамъ. Нужно только измѣнить названія буквъ на звуковыя; потомъ давайте смѣло книгу хорошей печати, объясните, растолкуйте, займитесь денекъ, и вашъ малютка, конечно понятливый, сейчасъ начнетъ читать!!..

Высказавъ по этой части нѣчто, дознанное собственнымъ долготѣльнымъ опытомъ, остаюсь въ приятной надеждѣ, чтобы и это малое послужить на пользу нашему любимому Отечеству!

Священникъ І. Сеславинскій.

Село Старое Юрьево.

Съ дозволенія цензуры. 28 марта 1867 года.

Тамбовъ. Въ типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.